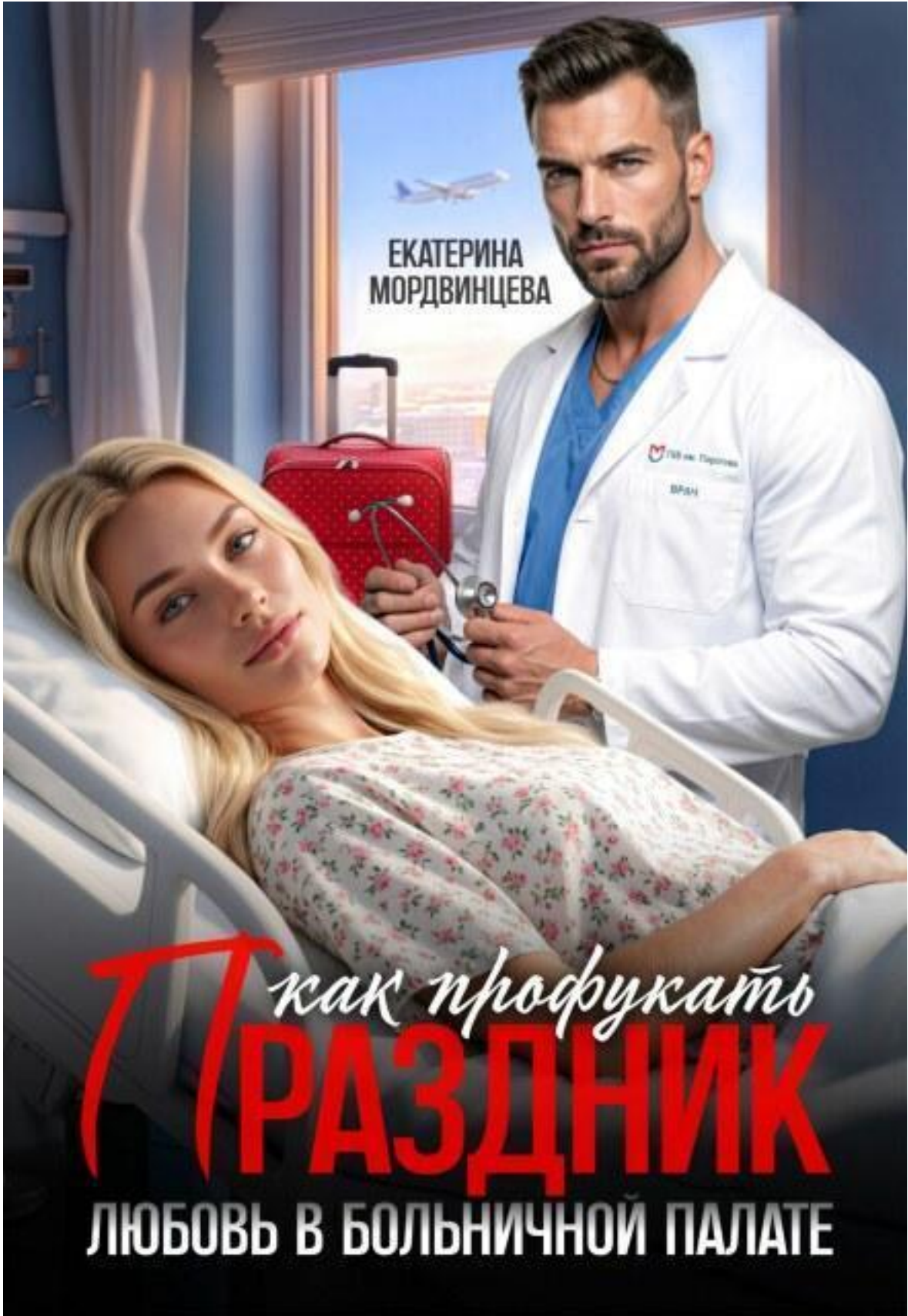

ЕКАТЕРИНА
МОРДВИНЦЕВА

Как профрукать
РАЗДНИК
ЛЮБОВЬ В БОЛЬНИЧНОЙ ПАЛАТЕ

Екатерина Мордвинцева

**Как профукать праздник.
Любовь в больничной палате**

«Литнет»

2026

Мордвинцева Е.

Как профукать праздник. Любовь в больничной палате /
Е. Мордвинцева — «Литнет», 2026

Они планировали встретить Новый год на пляже, под шум океана и бой курантов. Но жизнь распорядилась иначе: Кристина попала в аварию, а самолет с подругами исчез над водой. Теперь она заперта в больничной палате с чувством вины, разбитым телефоном и новостью, которую невозможно принять. Единственный, кто не произносит дежурных фраз, — лечащий врач Саша. Он знает, что такое ждать и не дожидаться. Он не обещает чуда. Он просто остается рядом. С книгами, с чаем, с маленькой ёлкой на тумбочке. И с надеждой, которая умирает последней.

© Мордвинцева Е., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1	12
Глава 2	18
Глава 3	24
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Пролог

— Ну так что решать будем?

От нетерпения Маша подергивала ногой, словно не могла усидеть на месте от волнения и ожидания. Её каблук выбивал дробь по деревянному полу кафе — ритмично, настойчиво, заставляя нервничать даже меня, хотя обычно я спокойно отношусь к чужой суете. Мы сидели в нашем любимом месте, в уютном закутке у окна, погруженные в атмосферу приятного ожидания. За окном медленно кружил первый снег, крупными хлопьями оседая на подоконниках, а внутри пахло корицей, апельсинами и свежесваренным кофе. Из динамиков лилась негромкая мелодия, которую я не узнала, но которая удивительно точно вписалась в настроение — что-то джазовое, с хрипотцой, словно певица улыбалась между строчек.

Мы собрались все вместе, как и договаривались. Шесть подруг, которые знали друг друга сто лет, а может, и все триста. Маша с её вечной энергией и привычкой брать на себя ответственность за всех. Инга, уткнувшаяся в телефон с видом человека, который вот-вот выдаст сенсацию. Женька, размышлявшая о солнце так, что, казалось, даже в её светлых волосах отражались блики. Лера, огненно-рыжая и дерзкая, которая умела одним смехом разрядить любую обстановку. Варя, тихая и чуткая, сидевшая чуть в стороне, но внимательно слушавшая каждое слово. И я — Кристина, которую вечно упрекали в домоседстве, в нежелании вылезать из уютного кокона.

— Я бы с удовольствием дома осталась, — произнесла я, отпивая из своей чашки.

Кофе был обжигающим, терпким, с нотками шоколада — именно таким, как я любила. Я поставила чашку на блюдце со звоном и легким шорохом, специально создав этим мгновение тишины. Не то чтобы я хотела прервать разговор — просто мне нравилось ощущать, как мои слова повисают в воздухе, заставляя подруг обернуться в мою сторону.

— Кто бы сомневался, — залихватистый смех Леры, как мелодичный звон колокольчиков, разнесся по всему заведению, привлекая внимание окружающих. Она откинулась на спинку стула, демонстративно закатив глаза, и её рыжие локоны рассыпались по плечам огненным водопадом. — Тебя вечно никуда не вытащишь. Крис, ну серьезно? Дома? Сидеть в четырёх стенах под бой курантов, смотреть «Иронию судьбы» в сто пятидесятый раз и заедать оливье? Это же скучотища смертная!

— Не правда! — мои губы возмущенно надулись, хотя внутри я понимала, что она права. Домашний уют всегда манил меня больше, чем шумные компании и сомнительные приключения. Но сдаваться без боя я не собиралась. — Дома тоже можно хорошо встретить Новый год. Уютно, тепло, без дураков.

— Дураки — это самое интересное! — парировала Лера, подмигнув мне.

— Девчат, хватит! — недовольно насупилась Маша, стукнув ладонью по столу, но беззлобно, скорее для порядка. — До нового года осталось чуть меньше месяца. Если мы не хотим дома тухнуть, надо поторопиться. И так уже вряд ли билеты куда-то найдем, что не может не огорчать.

— Это точно, — глубокий вздох Инги был больше похож на пытение кипящего чайника, который вот-вот закипит, чем на просто вздох. Она оторвалась от телефона ровно на секунду, чтобы обвести нас всех недовольным взглядом. — И так уже неделю думаем. Неделю, Крис! Ты нас тормозишь.

— Я не торможу, я взвешиваю все за и против, — парировала я, чувствуя, как в груди зарождается знакомое чувство вины. Меня всегда называли занудой, хотя я предпочитала слово «рассудительная».

— У кого какие предложения? — Маша вновь, полная решимости, взяла инициативу в свои руки и попыталась направить нашу дискуссию в нужное русло. Она сложила руки на

столе, подавшись вперед, и её карие глаза блестели в свете маленькой лампы, висевшей над нашим столиком.

— Я на море хочу, к солнышку, — мечтательно закатила глазки к потолку Женька, представляя себе, как весело будет загорать под теплым зимним солнцем. Она даже глаза прикрыла, словно уже чувствовала, как песок щекочет пятки, а соленый ветер играет с её светлыми прядями. — Чтобы тепло, чтобы купаться, чтобы никаких пуховиков и валенок. Я так устала от этой серости за окном, что готова продать почку за билет к экватору.

— Размечталась! — в очередной раз осадил её Инга с лёгкой улыбкой. Она достала свой телефон и быстро начала в нем что-то искать среди множества приложений и сообщений. Её пальцы летали по экрану с той уверенной скоростью, которая появляется только у тех, кто привык решать вопросы быстро и без лишних сантиментов. — Так... Спешу вас огорчить: максимум, куда нам светит, это только на какую-нибудь базу отдыха в Подмоскowie, что совсем не радует. Всё приличное разобрали ещё в октябре, а то, что осталось, — либо за бешеные деньги, либо в таких местах, где и интернета нет, и отопление работает через раз.

— Не хочу я на базу отдыха! — Градова поправила свои непослушные огненные локоны, как будто собиралась обдумать свои претензии. Движение было резким, почти вызывающим. — Скучно там, и ни о каком веселье не может быть и речи! Я помню, как мы в прошлом году ездили. Кормили этой... — она скривилась, — диетической гречкой, а из развлечений — бильярд с поломанными киями и караоке с таким микрофоном, что после него горло неделю болело. Нет уж, спасибо.

— О! — неожиданно оживилась Инга, словно ей пришла в голову гениальная идея. Она резко выпрямилась на стуле, и её лицо озарила широкая улыбка. — Есть горящий тур! Вылет двадцать пятого ночью, и это отличная возможность! Всё включено, отель прямо на первой линии, и цена... — она сделала многозначительную паузу, — цена такая, что грех отказываться. Кто-то сдал бронь в последний момент, и туроператор отдаёт за полцены.

— И куда? — я немного отодвинулась в сторону, позволив появившемуся официанту поставить передо мной тарелку с ароматным жареным мясом. Парень был молод, с забавными веснушками на носу, и он улыбнулся мне так, словно мы были старыми знакомыми. Я машинально улыбнулась в ответ, хотя мысли уже крутились вокруг Ингиной загадки.

Тут же манящий и непередаваемый аромат разнесся вокруг, и девушки оживились, словно только что вошли в мир быстрого и вкусного обеда. Одна лишь Инга продолжала сосредоточенно возиться в своем телефоне, время от времени поджимая губы и кивая каким-то своим мыслям.

— Так куда? — повертев в руке вилку, я отодвинула от себя тарелку, уставившись на подругу с надеждой и любопытством. Любопытство было сильнее голода, хотя мясо выглядело аппетитно, с хрустящей корочкой и ароматными травами.

— Потом сюрприз будет, — Инга подмигнула остальным, запустив в воздух легкую интригу. Она сунула телефон в сумку и взяла свою чашку с травяным чаем, сделав вид, что её совершенно не волнует наше нетерпение.

— Нет-нет-нет! — не унималась я с настойчивостью, как будто находилась в важной игре. — Как минимум я должна знать, что с собой брать, чтобы всё было готово. Мне нужно знать климат, чтобы собрать аптечку, понять, какие вещи брать, и вообще — я не собираюсь лететь непонятно куда. Вдруг там сейчас сезон дождей? Или, ещё лучше, — я понизила голос до трагического шёпота, — медузы?

— Трусика, бусики и денег побольше, — в голос расхохоталась Валерия, создав тем самым расслабленное настроение. Она даже стукнула ладонью по столу, и её смех был таким заразительным, что я невольно улыбнулась, хотя и старалась сохранить серьёзное выражение лица.

— Ну я серьезно! — протянула я, делая вид, что обиделась. Я скрестила руки на груди и отвернулась к окну, за которым снег всё падал и падал, укутывая город в белое одеяло. Где-то там, за этой снежной пеленой, был аэропорт, самолёты, которые уносили людей к теплу и солнцу. И я вдруг с остротой осознала, что, может быть, действительно не хочу лететь. Не потому, что боюсь, а потому, что не люблю менять привычный уклад. Но признаваться в этом вслух было стыдно — подружки и так считали меня слишком домашней.

— Да ладно тебе, не обижайся, — расплылась в широкой улыбке Инга, всё-таки озвучив название хоть и не совсем популярного, но достаточно хорошего курортного городка на тёплом море, где даже в декабре можно было загорать и купаться. Название было знакомым — я слышала о нём от коллег, которые ездили туда в прошлом году и вернулись с восторженными рассказами о бирюзовой воде и белоснежных пляжах. — Ну что, все согласны? Я смотрю билеты, пока они не ушли. Восемь мест, двадцать пятое декабря, ночной вылет. Время — 23:50. Представляете? Мы взлетаем практически под бой курантов. Встречаем Новый год в небе, а прилетаем — и сразу в лето. Романтика!

— Согласны или нет, возражения не принимаются! — довольно постановила Дегтярева и подняла свою чашку с фруктовым чаем, полный надежды и радости. Её глаза сияли, и в этом сиянии читалось что-то детское, восторженное, такое, что даже моё сопротивление начало таять. — Празднуем новый год под яркими лучами солнца!

— За новогоднее приключение! — Маша подхватила её порыв, поднимая свой капучино.

— За лучший новый год! — поддержали мы её, подняв чашки.

Зазвенел тонкий фарфор, смех смешался с джазовой мелодией, и в этот момент, глядя на лица подруг — живые, радостные, полные предвкушения, — я почувствовала, как что-то теплое разливается в груди. Может, действительно стоит согласиться? В конце концов, раз в год можно и вылезти из скорлупы.

Я взяла вилку и наконец попробовала мясо. Оно таяло на языке, и я поймала себя на мысли, что даже еда сегодня кажется вкуснее, чем обычно. Словно сам воздух был пропитан предновогодним волшебством.

Дни пролетели незаметно, как это всегда бывает в преддверии праздника. Они слились в одну череду ярких огней, суеты в магазинах, бесконечного выбора подарков и примерки купальников перед зеркалом, когда я пыталась понять, влезу ли я в прошлогодний, или пришло время покупать новый.

Я всё чаще ловила себя на том, что думаю о поездке. Сначала с опаской, потом с лёгким волнением, а под конец — с нетерпением. В моей душе поселилось странное предчувствие, которое я списывала на обычное волнение перед отпуском. В конце концов, я не летала уже три года, и сама мысль о том, что через несколько часов я буду в тёплой стране, казалась одновременно пугающей и манящей.

Мы с Ольгой, моей самой близкой подругой, договорились ехать в аэропорт вместе. Она жила на соседней улице, и мы часто завтракали в одной кофейне по выходным. Ольга была из тех людей, которые умеют успокаивать одним своим присутствием — тихая, рассудительная, с мягкой улыбкой и удивительной способностью находить нужные слова в любой ситуации. Именно с ней я чувствовала себя в безопасности.

— Ты как? — спросила она, когда мы загружали чемоданы в багажник её небольшого серого седана.

Вечер двадцать четвертого декабря выдался морозным и ясным. Снег перестал идти, и город замер в ожидании чуда. Улицы сияли гирляндами, из каждого окна доносилась музыка, и воздух был таким прозрачным и холодным, что казалось, он позванивает, как хрусталь.

— Нормально, — ответила я, хотя внутри всё сжималось от странного предчувствия. — Волнуюсь немного. Первый раз за три года.

— Всё будет хорошо, — улыбнулась Ольга, и её улыбка была такой спокойной, что я почти поверила. — Подумаешь, полет. Пять часов — и мы на месте. Главное — не забудь паспорт.

— Паспорт при мне, — я похлопала по сумке, висевшей на плече. Внутри лежали все документы, билеты, зарядка, маленькая подушка для шеи и тот самый купальник, который я в итоге купила — изумрудно-зелёный, под цвет глаз, как сказала продавщица в магазине.

Мы выехали на шоссе. Дорога была скользкой, но Ольга вела машину аккуратно, не превышая скорость. В салоне играло радио, диктор весело поздравлял слушателей с наступающим Новым годом и обещал морозную, но солнечную погоду. Я смотрела в окно на огни города, которые постепенно редели, уступая место темноте загородного шоссе.

— Инга, наверное, злится, что не летит, — сказала я, чтобы нарушить тишину. — Босс её — настоящий тиран.

— Она справится, — ответила Ольга, перестраиваясь в правый ряд. — Инга вообще из тех, кто любую ситуацию в свою пользу обернёт. Вот увидишь, она приедет позже и устроит там такое веселье, что мы все позавидуем.

— А Даша? Ей вчера звонила. Тоже переживает, что не успела обменять валюту. Говорит, что в аэропорту курс грабительский.

— Даша всегда переживает, — рассмеялась Ольга. — Это её суперсила. Но она всё равно приедет. Мы же все будем там. Все вместе.

«Все вместе», — повторила я про себя, и это звучало как обещание.

Мы выехали на трассу, которая вела прямо к аэропорту. Машин было немного, и я уже начала расслабляться, думая о том, как мы встретимся с подругами, как пройдем регистрацию, как сядем в самолёт и взлетим. Я даже представила, как смотрю в иллюминатор на огни города, которые становятся всё мельче и мельче, пока не превращаются в россыпь золотых искр на чёрном бархате ночи.

А потом всё случилось.

Я не знаю, что произошло. Может быть, лёд, может быть, Ольга отвлеклась на секунду, может быть, кто-то вылетел на встречу — я так и не поняла. Я помню только ослепительный свет фар, который вдруг оказался не там, где ему полагалось быть. Он нарастал, заполняя всё пространство, и в этом свете не было ничего, кроме белого, режущего глаза сияния.

Я услышала крик Ольги — резкий, пронзительный, такой, от которого кровь стынет в жилах. Потом визг тормозов, который показался мне бесконечным. Потом удар.

Удар был таким сильным, что я не поняла, где верх, а где низ. Мир перевернулся, и в этом перевороте не было ничего от киношной плавности — только боль, темнота и звук металла, который сминался, рвался, скрежетал. Моё тело бросило вперёд, и что-то — кажется, подушка безопасности — ударило меня в лицо, в грудь, в голову.

А потом наступила тишина.

Эта тишина была странной. Она не была полной — в ней слышались какие-то звуки: шипение, капли, далёкий голос. Но я не могла понять, где нахожусь. Мои глаза не открывались, словно веки налились свинцом. В голове пульсировала боль — тупая, тяжёлая, такая, что я не могла думать ни о чём другом.

— Крис? — голос Ольги донёсся откуда-то издалека. — Крис, ты слышишь меня?

Я попыталась ответить, но из горла вырвался только хрип. Язык казался чужим, непослушным, словно превратился в кусок ваты.

— Держись, — снова сказала Ольга. — Я уже вызвала. Сейчас приедут.

Скорая. Я вспомнила, что это слово означает помощь, спасение. И от этого мне стало чуть легче.

Я не помню, как меня вытаскивали из машины. Не помню, как оказалась на носилках. Не помню, как надо мной склонились чьи-то лица, что-то говорили, мерили давление, вставляли катетеры. Моё сознание то включалось, то выключалось, как лампочка с плохим контактом.

Помню только холод. Было очень холодно, и я никак не могла согреться, даже когда меня накрыли чем-то тёплым. Зубы выбивали дробь, и это была единственная часть моего тела, которую я чувствовала отчётливо.

— Сотрясение, — услышала я чей-то голос. — Зрачки реагируют слабо. Давление сто на шестьдесят. Готовьте капельницу.

— Она в сознании? — другой голос.

— Периодически. Кристина, вы меня слышите?

Я попыталась кивнуть, но голова отозвалась такой болью, что я чуть не закричала.

— Не двигайтесь, — голос был строгим, но не грубым. — Лежите спокойно. Мы везём вас в больницу.

Больница. Это слово прозвучало как приговор. Я должна была быть в аэропорту, а не в больнице. Я должна была лететь на море, а не лежать на жёстких носилках с капельницей в руке.

— Ольга... — прошептала я, с трудом ворочая языком. — Где Ольга?

— Ваша подруга в другой машине. С ней всё в порядке, легкие ушибы. Она будет в порядке.

Я хотела спросить ещё что-то — про самолёт, про билеты, про подруг, которые ждут нас в аэропорту, — но сознание снова начало ускользать, и я провалилась в темноту, где не было ни боли, ни холода, ни страха.

В себя я пришла уже в больнице.

Сначала был только звук. Монотонный писк, который навязчиво стучался в затылок. Потом свет — даже сквозь закрытые веки он казался невыносимо ярким. Потом запах — резкий, медицинский, смесь хлорки, лекарств и чего-то ещё неуловимого.

Я открыла глаза.

Надо мной был белый потолок. Ровный, гладкий, с длинной люминесцентной лампой, которая светила ровно в лицо. Я зажмурилась, потом приоткрыла глаза снова, пытаюсь привыкнуть.

— Очнулась? — женский голос прозвучал рядом.

Я повернула голову — медленно, осторожно, боясь новой волны боли. Голова отозвалась тупой пульсацией, но это было уже не так невыносимо, как раньше. Рядом с койкой стояла медсестра — женщина лет пятидесяти, с усталым, но добрым лицом. Она поправляла капельницу, что-то записывая в журнал.

— Где я? — спросила я, и мой голос показался мне чужим — хриплым, слабым, каким-то детским.

— Городская больница, — ответила медсестра, даже не подняв головы. — Вас ночью привезли. Скорая. Сотрясение мозга, пара ушибов. Ничего серьёзного, но полежать придётся.

— А моя подруга? Ольга?

— Та, что с вами была? — медсестра наконец посмотрела на меня. — Её уже выписали. Легкие ушибы, ничего страшного. Сказала, что заедет к вам позже.

Я выдохнула, и напряжение, которое сжимало грудь всё это время, немного ослабло. Ольга жива. С ней всё в порядке.

— А... — я запнулась, не зная, как спросить то, что действительно волновало. — А в аэропорт она успела?

Медсестра странно на меня посмотрела.

— Деточка, какое сейчас время? Вам нужно отдыхать, а не в аэропорты собираться. Самолёты подождут.

Она поправила одеяло, подоткнула его с боков, проверила капельницу и вышла из палаты, оставив меня одну.

Я лежала, глядя в белый потолок, и пыталась собрать воедино обрывки воспоминаний. Кафе, смех подруг, тост за новогоднее приключение. Потом — машина, дорога, свет фар, крик, удар. И темнота.

Самолёт. Билеты. Подруги.

Я вдруг вспомнила, что у нас был ночной рейс. Мы должны были встретиться в аэропорту в одиннадцать вечера. Сколько сейчас времени? Я попыталась найти часы, но их не было — видимо, остались в машине, или их сняли, когда меня привезли в больницу. Телефона тоже нигде не было видно.

Я попыталась сесть, но голова тут же закружилась, и к горлу подступила тошнота. Пришлось снова лечь, закрыть глаза и дышать медленно, глубоко, как учили в школе на уроках йоги, куда я ходила ровно два месяца, пока не надоело.

— Чёрт, — прошептала я в пустоту.

Я должна была быть там. С ними. Вместе с Машей, Лерой, Женей, Дарьей. Они ждали нас в аэропорту. Они, наверное, волнуются, звонят, не понимают, где мы.

Я снова попыталась встать, и снова меня скрутило тошнотой.

— Не советую, — раздался голос от двери.

Я открыла глаза. В дверях палаты стоял мужчина. Высокий, в белом халате, с тёмными волосами, которые были чуть длиннее, чем обычно носят врачи, и падали на лоб. Он смотрел на меня с лёгкой усмешкой, но в глазах его было что-то ещё — внимательное, изучающее, почти тёплое.

— Вы кто? — спросила я, чувствуя, как внутри всё сжимается от неловкости. Я лежала в больничной пижаме, с растрёпанными волосами и, наверное, выглядела ужасно.

— Ваш лечащий врач, — он подошёл ближе, и я заметила бейдж на его халате. «Александр Сергеевич Белов, врач-невролог». — Или, как говорят пациенты, тот самый злой доктор, который не даёт сбежать из палаты раньше времени.

— Я не собиралась сбежать, — соврала я, и он, кажется, это понял, потому что усмехнулся чуть шире.

— Конечно, — он взял мою карту, висевшую в ногах кровати, и начал её листать. — Кристина Фролова, двадцать семь лет. Сотрясение средней степени тяжести, ушиб грудной клетки, множественные гематомы. Ночью поступила, сейчас состояние стабильное. Как голова?

— Болит, — призналась я.

— Кружится?

— Немного.

— Тошнит?

Я кивнула, и этот кивок снова отозвался болью.

— Нормально, — он отложил карту. — После сотрясения это бывает. Будете лежать, никакой активности. Через пару дней отпустит.

Он подошёл ко мне, взял мою руку, проверяя пульс, потом посветил фонариком в глаза, заставляя смотреть то вверх, то в стороны. Его пальцы были прохладными, но уверенными, и почему-то это прикосновение успокаивало.

— Зрачки реагируют нормально, — сказал он, словно сам себе. — Пульс немного учащён, но это от стресса. Вы в аварию попали?

— Да, — я сглотнула. — Мы с подругой ехали в аэропорт.

— В аэропорт? — он поднял бровь. — За границу?

— На море, — я почувствовала, как к глазам подступают слёзы. — Мы должны были лететь с подругами. Встречать Новый год.

Он помолчал, глядя на меня, и в его взгляде мелькнуло что-то, чего я не смогла прочесть.

— Всему своё время, — сказал он наконец. — Сейчас ваша задача — лечиться. Новый год можно встретить и здесь. У нас, между прочим, ёлка в холле стоит. Правда, пластмассовая, но гирлянды настоящие.

Я не знала, плакать мне или смеяться. Пластмассовая ёлка в больничном холле — это было так далеко от бирюзового моря и белоснежных пляжей, что казалось насмешкой.

— Мои подруги... — начала я. — Они ждали нас в аэропорту. Я должна была...

— Ничего вы не должны были, — мягко перебил он. — Ваши подруги — взрослые люди. Они улетят или не улетят, но это не ваша ответственность. Сейчас ваша ответственность — лежать и не дёргаться.

В его голосе была твёрдость, но не жёсткость. Он говорил так, словно знал, о чём говорит, и это знание передавалось мне, заставляя немного расслабиться.

— Я пришлю медсестру, она даст вам успокоительное, — сказал он, направляясь к выходу. — Постарайтесь поспать. Сон сейчас — лучшее лекарство.

— Доктор, — окликнула я его, когда он уже взялся за ручку двери.

Он обернулся.

— Спасибо.

Он кивнул и вышел, оставив меня одну с пульсирующей головой, капельницей и мыслями, которые никак не хотели укладываться в спокойный, сонный ряд.

Я закрыла глаза и попыталась представить, что сейчас происходит в аэропорту. Маша, Лера, Женя, Даша — они там, ждут нас с Ольгой, звонят, не дозваниваются. Ольга уже, наверное, связалась с ними, сказала, что случилось. Может быть, они решили лететь без нас. Может быть, они уже прошли регистрацию, сдали багаж, сидят в зале вылета и пьют кофе, обсуждая, как несправедливо всё обернулось.

Я надеялась, что они полетели. Надеялась, что они не стали ждать, не стали менять билеты. Пусть хотя бы они отдохнут, погрееются на солнце, искупаются в море. Пусть Новый год у них будет таким, каким мы задумывали.

Я провалилась в сон, и в этом сне я стояла в аэропорту, среди толпы, и смотрела, как подруги проходят через стеклянный рукав к трапу самолёта. Они оборачивались, махали мне, что-то кричали, но я не слышала их голосов. Я только видела их улыбающиеся лица, счастливые, полные предвкушения.

Я махала им в ответ, и улыбалась, и думала, что всё будет хорошо.

Я тогда ещё не знала, что это был последний раз, когда я видела их живыми.

Глава 1

Сознание возвращалось кусками — рваными, острыми, как битое стекло.

Первый кусок был звуком. Гулкий, низкий, тягучий гул, который то нарастал, то затихал, словно кто-то нажимал на педаль в такт моему дыханию. Я не сразу поняла, что это двигатель. Что я нахожусь в движущемся транспорте. Что вокруг пахнет кожей, лекарствами и ещё чем-то металлическим, холодным, пугающим.

Второй кусок был болью.

Она пришла не сразу. Сначала было онемение — странное, ватное ощущение, будто моё тело отделилось от меня и существует само по себе, где-то далеко-далеко. А потом боль прорвалась сквозь эту ватную пелену, и я поняла, что тело — моё. И оно кричит.

Голова. Боль была в голове. Не просто боль — пульсирующий, раскалённый шар, который распирает череп изнутри, давил на глаза, на виски, на затылок. Каждое движение — даже просто попытка открыть веки — отзывалась новой волной, тошнотворной, обжигающей.

Я попыталась вздохнуть глубже, и воздух обжёг горло, вызвав кашель. Кашель отозвался в голове с такой силой, что перед глазами вспыхнули белые круги, даже сквозь закрытые веки.

— Не двигайтесь, — услышала я голос. Женский, резкий, профессиональный. — Лежите спокойно.

Я не могла открыть глаза. Веки казались свинцовыми, тяжёлыми, словно кто-то положил на них груз. Но я чувствовала свет — яркий, неприятный, он пробивался сквозь закрытые глаза и заставлял голову пульсировать сильнее.

— Где я? — мой голос прозвучал чужим. Хриплым, слабым, едва слышным даже для самой себя.

— В машине скорой помощи, — ответил тот же голос. — Не разговаривайте, берегите силы.

Скорая. Я в скорой. Почему?

Я попыталась вспомнить, и память отозвалась болью — не физической, другой, той, что сидит где-то в груди и сжимает рёбра стальным обручем.

Свет фар. Яркий, ослепительный, несущийся прямо на нас. Крик Ольги — пронзительный, высокий, такой, от которого кровь стынет в жилах. Визг тормозов, переходящий в скрежет. Потом удар.

Удар.

Я вспомнила удар.

Мир перевернулся, и в этом перевороте не было ничего от киношной плавности. Только боль, темнота и звук металла, который сминался, рвался, скрежетал где-то совсем рядом, в опасной близости от моего лица. Моё тело бросило вперёд, и что-то — кажется, подушка безопасности — ударило меня в лицо, в грудь, в голову.

А потом тишина.

— Ольга, — прошептала я, чувствуя, как страх сжимает горло. — Где Ольга?

— Ваша подруга в другой машине, — ответила женщина. — С ней всё в порядке. Не волнуйтесь.

Не волнуйтесь. Легко сказать. Я попыталась кивнуть, но голова отозвалась такой волной боли, что я чуть не закричала. Вместо крика из горла вырвался сдавленный стон.

— Головокружение? Тошнота? — голос женщины стал ближе. Я почувствовала, как чьи-то пальцы касаются моего запястья, проверяя пульс.

— Тошнит, — выдавила я. И это была правда. Желудок сжимался, к горлу подкатывала кислая волна, и я изо всех сил пыталась её сдержать.

— Поверните голову на бок, — скомандовала женщина. — Если будет рвать — не сдерживайте. Это нормально при сотрясении.

Сотрясение. У меня сотрясение. Я лежу в скорой, у меня сотрясение, а где-то там, в аэропорту, меня ждут подруги. Они ждут, чтобы лететь на море. Чтобы встретить Новый год под ярким солнцем, а не в этом холоде, не в этой темноте, не в этой...

— Девушка, вы меня слышите? — голос женщины пробился сквозь нарастающий шум в ушах. — Не засыпайте! Оставайтесь в сознании!

Я не хотела засыпать. Я боролась. Но темнота была такой тёплой, такой манящей, такой... безопасной. Она обещала отдых, обещала забытьё, обещала, что не будет ни боли, ни страха, ни этого бесконечного гула двигателя, который раскачивает меня из стороны в сторону.

«Не засыпай», — сказала я себе. — «Ты не можешь заснуть. Ты должна...»

Должна что? Я не помнила. Мысли путались, перетекали одна в другую, теряли смысл, превращались в белый шум, такой же гулкий и тягучий, как звук мотора.

— Давление сто на шестьдесят, — услышала я другой голос. Мужской, низкий, спокойный. — Пульс учащённый, сто двадцать.

— Зрачки реагируют слабо, — ответила женщина. — Потеря сознания была, по словам подруги, минуты три-четыре.

— Кристина, — голос мужчины приблизился. Я почувствовала, как кто-то взял меня за руку. Пальцы были прохладными, уверенными, и это прикосновение почему-то удержало меня на грани, не давая провалиться в темноту окончательно. — Кристина, вы меня слышите?

Я попыталась ответить, но губы не слушались. Вместо слов получился только хрип, слабый, жалкий, почти беззвучный.

— Не засыпайте, — сказал он. Голос был низким, спокойным, без тени паники. Он звучал так, словно ничего страшного не происходит. Словно это обычный рабочий вечер, рутина, дело, к которому он привык за долгие годы. И это спокойствие передавалось мне, заставляло цепляться за сознание, не отпускать его. — Кристина, оставайтесь со мной. Мы уже подъезжаем.

Я слышала его голос, но не видела лица. Глаза не открывались, или я просто не могла сфокусировать взгляд? Я не знала. Я чувствовала только его пальцы на своём запястье, чувствовала, как машина замедляет ход, как поворачивает, как останавливается.

— Приехали, — сказал он. — Сейчас мы вас выгрузим. Всё будет хорошо.

Я хотела улыбнуться. Хотела показать, что я молодец, что я держусь, что я не сплю, как он просил. Но мышцы лица не слушались. Вместо улыбки, наверное, получилась гримаса — жалкая, искривлённая, полная боли и страха.

— Не пытайтесь, — сказал он, и мне показалось, что в его голосе мелькнула тень улыбки. — Расслабьтесь. Мы всё сделаем сами.

Задние двери скорой открылись, и в лицо ударил холод. Резкий, колющий, он смешался с запахом хлорки, лекарств и ещё чего-то больничного, стерильного, пугающего. Я почувствовала, как мои носилки выдвигаются, как чьи-то руки — много рук — подхватывают их, несут куда-то.

Свет. Даже сквозь закрытые веки он казался невыносимо ярким. Он проникал сквозь кожу, сквозь кости, сквозь ту раскалённую сферу, что пульсировала в моей голове, и она пульсировала в такт, в такт, в такт.

— Приёмный покой, — услышала я чей-то голос. — Освободите проход!

Меня несли быстро, но ровно, без рывков. Я чувствовала, как носилки поворачивают, как въезжают в лифт или в дверь — я не понимала. Звуки смешались в один сплошной гул: шаги, голоса, писк какого-то оборудования, лязг металла.

— Перекладываем на кровать, — скомандовал тот же низкий голос. — Раз-два-три!

Меня переложили. Поверхность подо мной была жёсткой, холодной, пахло дезинфекцией и чем-то металлическим. Я попыталась открыть глаза, и на этот раз получилось. Но я ничего не увидела — только размытые пятна света, которые плыли перед глазами, расплывались, сливались в одно белое марево.

— Кристина, вы меня слышите? — голос был рядом, совсем близко. Я попыталась сфокусироваться на нём, но не могла. Вместо лица я видела только белое пятно, размытое, нечёткое, без черт. — Смотрите на меня. Не закрывайте глаза.

Я смотрела. Я смотрела на это белое пятно, которое, наверное, было лицом врача, и пыталась не моргать, не закрывать глаза, не проваливаться в ту тёплую, манящую темноту, что ждала за гранью сознания.

— Зрачки расширены, — сказал кто-то рядом. — Реакция на свет замедленная.

— Сотрясение средней степени, — ответил тот же низкий голос. — Возможна лёгкая внутричерепная гематома. Сделаем КТ.

КТ. Компьютерная томография. Я знала, что это такое. Я смотрела сериалы. Там всегда так: пациента везут в большую белую трубу, и он лежит там, а вокруг что-то крутится, жужжит, и потом врачи смотрят на чёрно-белые снимки и говорят умные слова.

Я никогда не думала, что окажусь на месте этого пациента.

— Кристина, — голос врача снова пробился сквозь шум в ушах. — Не засыпайте. Сейчас мы сделаем укол, станет легче.

Я почувствовала укол в руку — острый, быстрый, почти безболезненный на фоне того, что творилось в голове. Потом в вену вошла капельница — холодная, непривычная, я чувствовала, как жидкость растекается по вене, поднимается вверх по руке.

— Давление поднимается, — сказал кто-то. — Сто двадцать на семьдесят.

— Хорошо, — ответил врач. — Кристина, вы меня слышите?

Я попыталась кивнуть, но голова снова отозвалась болью. Вместо этого я просто сжала его пальцы — те, что всё ещё держали мою руку. Сжала слабо, едва ощутимо, надеясь, что он поймёт.

— Слышу, — прошептала я. Или только подумала, что прошептала. Я не была уверена.

— Отлично, — сказал он. И мне показалось, что он улыбнулся. Я не видела его лица, но голос стал мягче, теплее. — Вы молодец. Держитесь.

Я хотела сказать что-то ещё. Спросить про Ольгу. Спросить про аэропорт. Спросить, успели ли подруги на рейс. Но слова не складывались, мысли путались, и всё, что я могла, — это держаться за его руку, за этот якорь в белом шуме, который постепенно затягивал меня.

— Не засыпайте, — снова сказал он. — Кристина, не засыпайте. Мы сейчас отвезём вас на КТ, потом в палату. Вам нужно оставаться в сознании.

Я боролась. Я правда боролась. Но темнота была сильнее. Она подкрадывалась с краёв сознания, сужая поле зрения, превращая белое марево в маленькое пятнышко света, которое становилось всё меньше, меньше, меньше...

— Кристина! — голос врача донёсся откуда-то издалека. — Не засыпайте!

Я попыталась ответить, но вместо слов из горла вырвался только вздох — долгий, прерывистый, похожий на тот, что издают люди, когда проваливаются в сон после бессонной ночи.

«Простите», — подумала я. — «Я не могу больше».

И провалилась в темноту.

Темнота не была пустой.

В ней были обрывки воспоминаний, которые всплывали, как пузырьки воздуха в воде, лопались и исчезали, оставляя после себя только смутное ощущение тревоги.

Кафе. Аромат кофе и корицы. Смех Леры, звонкий, залиvistый, заставляющий улыбаться даже тогда, когда не хочется.

— Я бы с удовольствием дома осталась.

— Кто бы сомневался. Тебя вечно куда не вытащишь.

Я видела своё лицо в зеркале напротив. Губы надуты, брови сдвинуты. Я изображаю обиду, но внутри уже соглашаюсь. Я всегда соглашаюсь, когда они так смотрят — с надеждой, с предвкушением, с верой в то, что этот Новый год будет особенным.

— За новогоднее приключение!

Звон чашек. Шесть пар глаз, горящих предвкушением. Шесть улыбок. Шесть историй, которые мы собирались написать вместе.

А теперь?

Теперь я здесь. В темноте. В тишине, которую разрывает только монотонный писк — кажется, это капельница, или кардиомонитор, или что-то ещё, что следит за моим сердцем, за моим дыханием, за тем, жива я или уже...

Я не хотела думать об этом.

Вместо этого я думала об Ольге.

Ольга.

Мы ехали вместе. Она за рулём, я на пассажирском сиденье. В салоне играло радио, диктор весело поздравлял с наступающим Новым годом, и мы смеялись над тем, как смешно он произносит слово «оливье».

— Ты как? — спросила она, когда мы выехали на трассу.

— Нормально, — ответила я. — Волнуюсь немного.

— Всё будет хорошо, — сказала она, и я поверила.

А потом был свет. И крик. И удар.

Я не знала, что с ней. Врач в скорой сказал, что она в порядке, что её выписали, что она придет ко мне. Но я боялась. Я боялась, что это неправда. Что они сказали это, чтобы я не волновалась, не дёргалась, не мешала им работать.

Я боялась, что Ольга пострадала сильнее, чем они говорят.

Я боялась, что это я во всём виновата.

Если бы я не согласилась лететь. Если бы я настояла на том, чтобы остаться дома. Если бы мы не поехали в аэропорт в этот вечер, в этот час, по этой дороге.

Если бы, если бы, если бы...

Вина была липкой, тяжёлой, она обволакивала сознание, мешала дышать, мешала думать. Я чувствовала её каждой клеткой, и это чувство было почти таким же сильным, как боль в голове.

Я испортила отпуск. Не только себе — всем. Подруги ждали нас в аэропорту, волновались, звонили, не понимали, где мы. А теперь? Теперь они, наверное, решили лететь без нас. И правильно. Зачем ждать? Билеты куплены, чемоданы собраны, отпуск утверждён. Они не должны портить себе праздник из-за того, что я такая неуклюжая, такая невезучая, такая...

Я вспомнила, как мы сидели в кафе. Как спорили, куда поехать. Как Инга нашла горящий тур и загорелась идеей.

— Вылет двадцать пятого ночью! Представляете? Встречаем Новый год в небе!

Мы все смеялись. Мы все радовались. Мы все верили, что это будет лучший Новый год в нашей жизни.

А теперь? Теперь я лежу неизвестно где, с раскалывающейся головой, с капельницей в руке, и даже не знаю, успели ли они на рейс.

Я надеялась, что успели. Надеялась, что они не стали ждать, не стали менять билеты. Пусть летят. Пусть отдыхают. Пусть встречают Новый год на солнце, в тепле, с коктейлями в руках и счастливыми улыбками на лицах.

Я буду думать об этом. Буду представлять, как они загорают на пляже, как купаются в море, как фотографируются на фоне заката. Буду радоваться за них, даже если мне самой будет больно и грустно.

— Ты только поправляйся, — прошептала я в темноту. Не знаю, кому. Себе? Ольге? Подругам? Может быть, всем сразу.

Я попыталась представить их лица, но вместо этого увидела белую вспышку фар, несущуюся прямо на меня. Дёрнулась, и боль в голове отозвалась с новой силой, заставляя застонать.

— Тише, — услышала я чей-то голос. — Всё тише.

Это была медсестра. Или врач. Я не знала. Я только чувствовала, как чья-то рука поправляет одеяло, как пальцы касаются моего лба, проверяя температуру.

— Температура нормальная, — сказал голос. — Давление стабильное. Капельница капает.

Потом шаги. Скрип двери. Тишина.

Я снова осталась одна в темноте, с болью, с виной, с обрывками воспоминаний, которые не складывались в целую картину.

«Я должна была остаться дома», — подумала я, и эта мысль была такой чёткой, такой ясной, что я почти поверила в неё. «Если бы я осталась дома, ничего бы не случилось».

Но я не осталась. Я согласилась. Я поехала. Я села в машину к Ольге. И теперь мы обе здесь — она неизвестно где, я в больнице, а наши подруги, наверное, уже летят над океаном, думая о нас, волнуясь, гадая, как мы там.

Я хотела позвонить им. Сказать, что я в порядке. Сказать, чтобы не волновались. Сказать, чтобы веселились, отдыхали, не думали о плохом.

Но у меня не было телефона. Не было сил. Не было даже уверенности, что я вообще смогу говорить — горло саднило, язык казался чужим, непослушным.

— Потом, — прошептала я. — Всё потом.

Сознание снова начало ускользать, утягивая меня в темноту. Но на этот раз я не сопротивлялась. На этот раз темнота казалась не врагом, а другом. Она обещала отдых. Обещала забытьё. Обещала, что на несколько часов боль утихнет, страх отступит, и я смогу просто... быть. Не думать. Не вспоминать. Не чувствовать.

«Все будет хорошо», — подумала я, и эта мысль стала последней, прежде чем сознание окончательно погасло.

Очнулась я от света.

Он был везде — яркий, белый, невыносимый. Он проникал сквозь закрытые веки, заставлял голову пульсировать, вызывал тошноту.

Я попыталась открыть глаза, и на этот раз получилось. Но я ничего не увидела — только размытые пятна, которые медленно обретали очертания. Белый потолок. Белые стены. Белая простыня. Белая капельница, которая возвышалась надо мной, как молчаливый страж.

— Очнулась? — женский голос прозвучал рядом.

Я повернула голову — медленно, осторожно, боясь новой волны боли. Голова отозвалась тупой пульсацией, но это было уже не так невыносимо, как раньше.

Рядом с койкой стояла медсестра. Женщина лет пятидесяти, с усталым, но добрым лицом, в белом халате и накрахмаленной шапочке. Она смотрела на меня с профессиональным спокойствием, но в уголках её глаз пряталась тёплая, почти материнская забота.

— Где я? — спросила я, и мой голос прозвучал хрипло, слабо, словно я не говорила несколько дней.

— Городская больница, — ответила медсестра. — Вас ночью привезли. Скорая. Сотрясение мозга, ушибы. Ничего серьёзного, но полежать придётся.

— А моя подруга? Ольга? — я снова спросила, хотя уже знала ответ. Но мне нужно было услышать его ещё раз. Убедиться.

— Та, что с вами была? — медсестра поправила капельницу, что-то записывая в журнал. — Её уже выписали. Легкие ушибы, ничего страшного. Сказала, что заедет к вам позже.

Я выдохнула. Выдохнула так глубоко, как только могла, и почувствовала, как напряжение, которое сжимало грудь всё это время, немного ослабло.

Ольга жива. С ней всё в порядке.

— А что с самолётом? — спросила я, и медсестра странно на меня посмотрела. — Мои подруги... Они должны были лететь. Я должна была лететь с ними.

— Деточка, — она покачала головой, — какое сейчас время? Вам нужно отдыхать, а не в аэропорты собираться. Самолёты подождут.

Она поправила одеяло, подоткнула его с боков, проверила капельницу и вышла из палаты, оставив меня одну.

Я лежала, глядя в белый потолок, и пыталась понять, который час. Окна в палате не было — только белая стена и дверь. Я не знала, утро сейчас или вечер, день или ночь. Я не знала, улетели мои подруги или остались. Я не знала, где Ольга, что с ней, придёт ли она на самом деле или просто сказала, чтобы меня успокоить.

Я ничего не знала.

И это незнание было почти таким же мучительным, как боль в голове.

Я закрыла глаза и попыталась представить, что сейчас происходит в аэропорту. Маша, Лера, Женья, Даша — они там, ждут нас, звонят, не дозваниваются. Инга звонит им, говорит, что случилось. Может быть, они решили лететь без нас. Может быть, они уже прошли регистрацию, сдали багаж, сидят в зале вылета и пьют кофе, обсуждая, как несправедливо всё обернулось.

Я надеялась, что они полетели. Надеялась, что они не стали ждать, не стали менять билеты. Пусть хотя бы они отдохнут, погрееются на солнце, искупаются в море. Пусть Новый год у них будет таким, каким мы задумывали.

А я? Я буду здесь. В этой палате, с этой капельницей, с этой болью. Я буду поправляться. Я буду ждать. И, может быть, когда они вернутся, я смогу улыбнуться и сказать, что всё было не так уж плохо.

— Всё будет хорошо, — прошептала я, и этот шёпот прозвучал в пустой палате так громко, что мне стало страшно.

Я закрыла глаза и позволила темноте снова утянуть меня в свои объятия.

Я ещё не знала, что когда проснусь, мир перевернётся. Что подруг не будет на связи. Что самолёт, на котором они улетели, пропадёт над океаном, и его не найдут ни через день, ни через неделю, ни через месяц.

Я ещё не знала, что это был последний раз, когда я слышала их голоса.

Но это всё будет потом.

А пока — только белый потолок, монотонный писк капельницы и тишина, в которой я была совсем одна.

Глава 2

Сознание возвращалось медленно, с неохотой, как человек, который никак не может проснуться после тяжёлого дня. Оно подкрадывалось маленькими шажками: сначала звуки, потом запахи, потом ощущения, и только в самую последнюю очередь — свет.

Звуки были первыми. Где-то далеко капала вода — мерно, однообразно, гипнотически. Кап-кап-кап. Этот звук смешивался с приглушёнными голосами за стеной, шагами в коридоре, звоном каких-то стеклянных предметов. Иногда слышался смех — женский, усталый, но живой. Иногда — чей-то кашель, приглушённый, будто человек старался не беспокоить окружающих.

Потом пришли запахи. Резкий, стерильный запах хлорки смешивался с чем-то лекарственным, чуть сладковатым, и ещё — едва уловимым ароматом свежего хлеба, который, казалось, проникал сквозь все больничные преграды и напоминал о том, что за окнами есть жизнь, есть мир, есть утро.

Потом — ощущения. Жёсткая простыня под спиной. Тяжёлое одеяло, которое почему-то казалось одновременно и слишком тёплым, и недостаточно. Что-то холодное в руке — капельница, поняла я, чувствуя, как тонкая трубочка входит в вену. И голова. Голова всё ещё болела, но уже не той раскалённой, невыносимой болью, которая разрывала череп прошлой ночью. Теперь это была тупая, ноющая пульсация, которая затихала, если я не двигалась, и усиливалась при любом, даже самом осторожном движении.

И только потом я открыла глаза.

Свет ударил в лицо, заставляя зажмуриться. Я лежала так несколько секунд, привыкая, потом приоткрыла веки снова, на этот раз медленно, осторожно, как ныряльщик, который проверяет воду перед погружением.

Палата была небольшой, но светлой. Белые стены, белый потолок, белые тюлевые занавески на единственном окне, сквозь которые пробивался утренний свет — мягкий, золотистый, совсем не похожий на тот безжалостный белый свет, который мучил меня ночью. За окном виднелось серое декабрьское небо, но солнце всё же пробивалось сквозь облака, и его лучи ложились на пол длинными прямоугольниками, в которых танцевали пылинки.

Я медленно повернула голову — насколько позволяла боль — и осмотрелась.

Палата была рассчитана на двоих. Моя койка стояла у окна, вторая — у двери. На второй койке лежала женщина, женщина, женщина... Я не сразу смогла сфокусировать взгляд, но постепенно её лицо обрело чёткость. Женщина была пожилой, лет семидесяти, с добрым морщинистым лицом и седыми волосами, аккуратно собранными в пучок. Она не спала — смотрела в потолок и тихо что-то напевала себе под нос. Рядом с её койкой стояла тумбочка, на которой в прозрачной вазе стояли ярко-жёлтые хризантемы — единственное цветное пятно в этой белой стерильной комнате.

Рядом со мной тоже была тумбочка. Пустая. Ни телефона, ни книг, ни даже стакана воды. Только капельница, которая возвышалась надо мной, как белый металлический страж.

Я попыталась приподняться, чтобы лучше рассмотреть палату, но голова тут же закружилась, и перед глазами поплыли разноцветные круги. Пришлось снова лечь, глубоко дыша и считая про себя до десяти, как учили когда-то на занятиях по йоге.

— Не дёргайся, милая, — раздался голос соседки. Тихий, чуть скрипучий, но удивительно тёплый. — Тебе сейчас лучше лежать. Вон вчерашнюю, с третьей палаты, тоже дёргалась, дёргалась — так её потом на каталке увезли куда-то. Говорят, хуже стало.

Я повернулась к женщине — осторожно, боясь нового приступа головокружения.

— Доброе утро, — сказала я, и мой голос прозвучал хрипло, с противной осиплостью.

— Доброе, доброе, — соседка улыбнулась, и её морщинки собрались в лучики вокруг глаз. — Как зовут-то?

— Кристина.

— А меня Марья Ивановна, — представилась она. — Третий день тут лежу. Давление, знаешь ли, шалит. А тебя когда привезли?

— Ночью, — ответила я, пытаюсь вспомнить. — Кажется, ночью.

— Авария, говорят? — Марья Ивановна покачала головой. — Молодёжь, вечно вы куда-то спешите. Новый год на носу, а вы по больницам. Непорядок.

Новый год. Я вдруг с остротой осознала, что сегодня — двадцать пятое декабря. Сегодня мы должны были лететь. Сегодня в полночь, под бой курантов, наш самолёт должен был быть в воздухе, а мы должны были пить шампанское, загадывать желания и смеяться, представляя, как через несколько часов окажемся в лете, в тепле, в море.

А теперь? Теперь я здесь. В этой белой палате. С капельницей в руке и с такой болью в голове, что даже мысль о полёте казалась невыносимой.

— Мои подруги должны были лететь сегодня, — сказала я вслух, и голос дрогнул. — На море. Встречать Новый год.

— А ты, значит, не полетишь? — Марья Ивановна посмотрела на меня с сочувствием. — Эх, милая, ничего. Не век тебе тут лежать. Поправишься — и полетишь. Море никуда не денется.

Я хотела ответить, что дело не в море, не в отпуске, а в том, что я должна была быть там, с ними, вместе, но слова застряли в горле. Вместо них пришло странное ощущение — смесь горечи, вины и какой-то смутной тревоги, которую я не могла объяснить.

— Кристина? — голос Марьи Ивановны вывел меня из задумчивости. — Ты как, милая? Бледная вся. Позвать кого?

— Нет, спасибо, — я попыталась улыбнуться. — Всё хорошо. Просто голова болит.

— После сотрясения — оно и понятно, — соседка кивнула с видом знатока. — У меня муж в молодости с лестницы упал, так три недели потом мучился. Головные боли, тошнота, светобоязнь. Врач сказал — покой нужен и никаких нагрузок. Так что ты лежи, не дёргайся.

Я кивнула и снова уставилась в потолок. Мысли ворочались медленно, тягуче, как патока. Я пыталась вспомнить всё, что случилось после аварии, но память подсовывала только обрывки: яркий свет, чьи-то руки, капельница, низкий спокойный голос, который просил меня не засыпать.

— Кристина, вы меня слышите? Не засыпайте.

Этот голос. Я помнила его. Он был негромким, но каким-то особенным — глубоким, с лёгкой хрипотцой, которая делала его удивительно... тёплым. Даже сквозь боль и страх я чувствовала это тепло, как чувствуют сквозь одеяло тепло чьих-то рук.

— Кристина Фролова?

Голос прозвучал рядом, и я вздрогнула. Дверь палаты была открыта, и на пороге стоял он.

Я не сразу поняла, что это тот самый голос. Сначала я просто увидела мужчину — высокого, широкоплечего, в белом халате, который сидел на нём так, словно был второй кожей. Тёмные волосы, чуть длиннее, чем обычно носят врачи, падали на лоб, и он машинально откинул их назад, когда вошёл. Лицо его было сосредоточенным, серьёзным, но в уголках губ пряталась лёгкая, едва заметная улыбка.

А потом я посмотрела ему в глаза.

Серые. Они были серыми — глубокими, внимательными, с каким-то странным оттенком, который менялся в зависимости от того, как падал свет. В утренних лучах, пробивавшихся сквозь тюль, они казались почти прозрачными, цвета северного неба после дождя. В них не было той холодной профессиональной отстранённости, которую я привыкла видеть у врачей.

Было что-то другое — живое, настоящее, такое, что заставило меня забыть на секунду о боли и о том, где я нахожусь.

— Доброе утро, — сказал он, подходя к моей койке. Его шаги были уверенными, но мягкими — он двигался с той спокойной грацией, которая бывает у людей, привыкших к тишине и к тому, чтобы не тревожить лишними звуками тех, кто нуждается в покое. — Как спалось?

Я попыталась сесть, чтобы выглядеть менее беспомощной, но голова тут же закружилась, и я с глухим стоном опустилась обратно на подушку.

— Не надо, — он положил руку мне на плечо, останавливая. Рука была прохладной, но не холодной, и его прикосновение почему-то не вызвало желания отстраниться. — Лежите. Сейчас я вас осмотрю, и если всё в порядке, сможете постепенно вставать. Но не раньше.

Я кивнула, чувствуя, как от его прикосновения по спине пробежали мурашки. Или это от боли? Я не была уверена.

Он взял мою карту, висевшую в ногах кровати, и начал её листать. Я смотрела на его руки — длинные пальцы, ухоженные ногти, спокойные, уверенные движения. Врач, который знает, что делает. Врач, который не суетится, не мечется, не задаёт лишних вопросов. Врач, который просто делает свою работу, но делает её так, что это успокаивает лучше любых слов.

— Кристина Фролова, двадцать семь лет, — прочитал он вслух, словно проверяя. — Сотрясение средней степени тяжести, ушиб грудной клетки, множественные гематомы. Поступили сегодня ночью, три часа сорок минут. Состояние на момент поступления — стабильно тяжёлое, потеря сознания до четырёх минут. Сейчас — как себя чувствуете?

— Голова болит, — ответила я честно. — И кружится, когда пытаюсь сесть.

— Тошнит?

— Немного. Не так сильно, как ночью.

— Хорошо, — он отложил карту и подошёл ближе. — Давайте проверим реакцию. Смотрите на мой палец.

Он поднял указательный палец перед моими глазами, и я послушно проследила за ним взглядом — вверх, вниз, влево, вправо. Его лицо было совсем близко, и я вдруг заметила, что у него есть маленькая родинка над левой бровью, и что ресницы у него тёмные, густые, и что от него пахнет чем-то свежим, мятым, совсем не больничным.

— Глазные мышцы работают нормально, — сказал он, опуская руку. — Зрачки реагируют на свет. Теперь поднимите руки.

Я подняла руки — медленно, осторожно, чувствуя, как дрожат пальцы.

— Сожмите мои.

Я сжала. Он ждал, пока я не ослабила хватку, потом кивнул.

— Сила в руках хорошая. Теперь ноги. Можете согнуть?

Я попыталась согнуть ноги в коленях, и у меня получилось, хотя движения были неуклюжими, какими-то деревянными.

— Отлично, — он сделал пометку в карте. — Чувствительность не нарушена, двигательные функции сохранены. Это хорошие признаки.

— Значит, всё не так плохо? — спросила я, чувствуя, как надежда загорается где-то глубоко внутри.

— Всё так, как есть, — ответил он с лёгкой улыбкой. — Сотрясение — это не шутка, но при правильном лечении и соблюдении режима восстановление проходит без последствий. Вам нужно лежать, никаких нагрузок, никакого чтения, никакого телефона в первые дни. Глазам нужен отдых.

— Телефона у меня всё равно нет, — горько усмехнулась я. — Он, наверное, в машине остался.

— Ольга — ваша подруга? — он посмотрел на карту. — Та, что была с вами?

— Да, — я вдруг почувствовала, как сердце забилося чаще. — Вы не знаете, как она? Мне сказали, что её выписали, но...

— Всё в порядке, — его голос был спокойным, уверенным, и я почему-то сразу поверила. — У неё диагностировали лёгкие ушибы мягких тканей, госпитализация не потребовалась. Она дала координаты, обещала приехать, как только сможет. Сейчас она, наверное, уже дома, отдыхает.

Я выдохнула. Выдохнула так глубоко, как только могла, и почувствовала, как напряжение, которое сжимало грудь всё это время, немного ослабло. Ольга жива. Ольга в порядке. Ольга будет здесь.

— А... — я запнулась, не зная, как спросить. — А мои подруги... Те, которые должны были лететь... Они звонили?

Он на секунду задержал взгляд на моём лице, и в его серых глазах мелькнуло что-то — сочувствие? Понимание? Или что-то ещё, чего я не смогла прочесть.

— Мне ничего не сообщали, — сказал он мягко. — Но я могу узнать у медсестёр, если хотите. Хотя, скорее всего, они просто не знают, что вы здесь. Когда вас привезли, при вас не было документов — только права, которые нашла полиция. Медсестра звонила вашей подруге Ольге, она всё подтвердила. Остальным, возможно, ещё не сообщили.

— Я должна им позвонить, — я попыталась приподняться, и снова мир качнулся, и перед глазами поплыли круги. — Они будут волноваться. Они ждали нас в аэропорту...

— Кристина, — его голос стал чуть твёрже, но не потерял мягкости. — Сейчас вы никуда не звоните. Вы лежите. Это главное. Вашим подругам позвонят, когда вы будете в состоянии говорить. Или они сами позвонят — если узнают, где вы.

— Но они же будут переживать... — я почувствовала, как слёзы подступают к глазам, и залилась на себя за эту слабость.

— Конечно, будут, — сказал он просто. — Это нормально. Но если вы сейчас встанете и упадёте, они будут переживать ещё больше. Правда?

Я посмотрела на него. Он смотрел на меня спокойно, без тени насмешки, и в этом взгляде было что-то такое, что заставило меня сделать глубокий вдох и попытаться успокоиться.

— Правда, — признала я, чувствуя, как слёзы отступают.

— Вот и хорошо, — он улыбнулся, и эта улыбка — не широкая, не демонстративная, а такая, лёгкая, уголками губ — вдруг сделала его лицо не просто красивым, а каким-то... живым. Настоящим. — Теперь давайте попробуем посидеть. Медленно, без резких движений. Я поддержу.

Он протянул мне руку, и я вложила свою ладонь в его. Его пальцы сомкнулись вокруг моего запястья — крепко, но бережно, и я почувствовала, как его тепло передаётся мне, разливается по руке, поднимается выше.

— Медленно, — повторил он. — Сначала просто сядьте, не торопитесь.

Я напрягла мышцы, пытаясь приподняться. Это было тяжелее, чем я думала. Тело казалось чужим, непослушным, мышцы отказывались работать. Но его рука поддерживала меня, и это придавало сил.

Я села.

Мир качнулся. Стены поплыли, пол поднялся куда-то вверх, и меня накрыла волна тошноты. Я зажмурилась, вцепившись в его руку так сильно, что побелели костяшки.

— Дышите, — услышала я его голос. — Ровно, глубоко. Не открывайте глаза, пока не пройдёт.

Я дышала. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Считала про себя, как учили: раз, два, три, четыре, пять. На пятом счёте тошнота отступила, стены перестали кружиться, и я смогла снова открыть глаза.

Он сидел рядом со мной на краю кровати — так близко, что я чувствовала его дыхание на своей щеке. Его лицо было в нескольких сантиметрах от моего, и я вдруг поняла, что могу разглядеть каждую деталь: лёгкую небритость на скулах, маленькую морщинку между бровями, которую он, кажется, не замечал, и его глаза — серые, глубокие, с каким-то странным, тёплым выражением, которое я не могла назвать иначе, чем внимательностью.

— Получилось, — сказала я, и в моём голосе прозвучало удивление.

— Получилось, — повторил он, и его губы дрогнули в той самой лёгкой улыбке. — Теперь посидим так минуту, потом ляжете. Не нужно героизма.

— Я и не геройствую, — ответила я, и вдруг поняла, что улыбаюсь. Впервые за всё это время. Улыбаюсь просто так, без причины, только потому, что он рядом и что его рука всё ещё держит мою.

— Это хорошо, — он чуть сжал мои пальцы, и в этом жесте не было ничего лишнего — только поддержка, только уверенность, только молчаливое обещание, что я не одна. — Героизм после сотрясения — это обычно лишние две недели в больнице. А вам, я думаю, хочется поскорее выписаться?

— Очень, — призналась я. — У меня столько планов было...

— Планы подождут, — сказал он. — Здоровье — нет.

Он помог мне лечь обратно — аккуратно, поддерживая голову, чтобы не было резких движений. Когда моя голова коснулась подушки, я почувствовала, как благодарность разливается по груди тёплой волной.

— Спасибо, — сказала я, глядя на него. — Вы очень... Вы хорошо меня поддержали.

— Это моя работа, — ответил он, но в его голосе не было той дежурной ноты, которую вкладывают в эту фразу, когда хотят отстраниться. Было что-то другое — что-то, что заставило меня поверить, что для него это больше, чем просто работа.

Он встал, поправил капельницу, проверил, как идёт раствор, и снова взял карту.

— Сегодня вам предстоит много отдыхать, — сказал он, делая пометки. — Завтра, если состояние будет стабильным, можно будет вставать на короткое время. Ходить — только в туалет и обратно, и только с кем-то. Самостоятельно не вставать, поняли?

— Поняла, — кивнула я, и этот кивок отозвался тупой болью в затылке.

— И ещё, — он посмотрел на меня поверх карты. — Вам нужно будет поговорить с полицией. Они придут сегодня или завтра — оформят протокол. Скажите им всё, что помните. Не пытайтесь додумывать, если чего-то не помните — так и скажите. После сотрясения провалы в памяти — это нормально.

— Я ничего не помню, — призналась я. — Только свет фар, крик Ольги и удар. А потом — уже в скорой.

— Этого достаточно, — сказал он. — Не переживайте. Всё выяснят.

Он повернулся, чтобы уйти, и я вдруг поняла, что не хочу, чтобы он уходил. Не потому, что боялась остаться одна — нет, с этим я уже справлялась. А потому, что с ним было... спокойно. Тихо. Надёжно.

— Доктор, — окликнула я его, когда он уже взялся за дверную ручку.

Он обернулся.

— А как вас зовут? — спросила я. — Я не спросила.

Он помедлил секунду, и на его лице снова появилась та лёгкая, едва заметная улыбка.

— Александр Сергеевич, — сказал он. — Но можно просто Саша.

— Саша, — повторила я, пробуя имя на вкус. Оно было простым, обычным, но в моих устах почему-то прозвучало иначе — словно я произносила не имя врача, а что-то более личное, более близкое.

— А вас, я знаю, Кристина, — сказал он. — Будем знакомы.

Он кивнул и вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

Я осталась лежать, глядя на закрытую дверь, и чувствовала, как внутри меня что-то меняется. Что-то едва заметное, неуловимое, но определённо новое.

— Ого, — раздался голос Марьи Ивановны от соседней койки. — Это который, значит, Александр Сергеевич?

Я повернулась к ней, чувствуя, как щёки начинают гореть.

— Вы его знаете? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно. Не получилось.

— Кто ж его не знает, — Марья Ивановна хитро прищурилась. — Лучший невролог в отделении. Молодой, а уже заведующий выписал на него направление. И внешностью бог не обидел, верно?

— Я не заметила, — соврала я, и соседка рассмеялась — тихо, чтобы не привлекать внимания, но заразительно.

— Не заметила она, — покачала головой Марья Ивановна. — Я, милая, хоть и старая, а глаза ещё видят. Ты на него так смотрела, будто он не врач, а принц на белом коне.

— Я просто... — я запнулась, не зная, что сказать. — Я была не в себе. Голова болела.

— Конечно-конечно, — соседка подмигнула. — От головной боли, значит, щёки краснеют. Я-то что, я ничего.

Она снова улыбнулась и закрыла глаза, давая понять, что разговор окончен.

Я отвернулась к окну, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле. Что это было? Почему я вдруг начала краснеть, как школьница, только от того, что какой-то врач посмотрел на меня? У меня была авария, сотрясение, капельница, подруги улетели без меня, я не знаю, где мой телефон, не могу связаться с родными — и всё, о чём я думаю, это серые глаза и тёплая улыбка?

Я закрыла глаза, пытаюсь успокоиться.

— Это просто благодарность, — прошептала я себе. — Он просто хорошо сделал свою работу. И всё.

Но я не верила себе.

И это было самое странное.

Я лежала, слушая, как капает капельница, и думала о том, что в этой белой палате, среди больничных запахов и чужой боли, произошло что-то, что не укладывалось в привычные рамки. Что-то, что не имело отношения ни к медицине, ни к лечению, ни к профессиональному долгу.

Что-то, что заставило моё сердце биться быстрее.

Я не знала, что это было. И боялась узнать.

Но где-то глубоко внутри, под слоем боли, страха и тревоги, теплилось что-то новое — маленький огонёк, который отказывался гаснуть, даже когда я пыталась его задушить рассудком.

— Саша, — прошептала я одними губами, пробуя имя ещё раз. Оно было простым. Обычным. Но для меня оно уже значило больше, чем просто имя врача.

Я закрыла глаза и позволила себе на несколько секунд забыть о подругах, о самолёте, об аварии, о вине, которая давила на грудь тяжёлым камнем. Я позволила себе просто быть — здесь, сейчас, в этой палате, с этим именем на губах и с этим странным, необъяснимым чувством в груди.

А потом я уснула.

И во сне мне снова приснились серые глаза.

Глава 3

Утро после ночи, проведённой в больнице, оказалось странным. Не таким, как обычно. Обычно утро начиналось с будильника, с мысли о работе, о делах, о том, что нужно успеть до конца дня. Обычно я просыпалась с чувством лёгкой нехватки времени, с ощущением, что день уже начался без меня и мне нужно догонять.

Здесь время текло иначе.

Я проснулась оттого, что кто-то осторожно поправлял моё одеяло. Открыв глаза, я увидела медсестру — ту самую, что была здесь вчера, с усталым, но добрым лицом. Она поправляла капельницу, что-то записывала в журнал, и делала это так тихо, что я бы и не проснулась, если бы не её лёгкое прикосновение к моему плечу.

— Доброе утро, — сказала она, заметив, что я смотрю на неё. — Как спалось?

— Нормально, — ответила я, и это было почти правдой. Спала я тяжело, с обрывками снов, которые не запомнила, но оставили после себя смутную тревогу. — Который час?

— Около девяти, — медсестра проверила капельницу. — Сейчас завтрак принесут. Кашу, чай. Аппетита нет?

— Не очень, — призналась я. Голова всё ещё болела, хотя и не так сильно, как вчера. К горлу иногда подкатывала тошнота, но я научилась с ней справляться — глубокий вдох, медленный выдох, и она отступала.

— Ничего страшного, — медсестра улыбнулась. — Поешьте понемногу. Силы нужны.

Она ушла, и я осталась лежать, глядя в потолок. Соседка, Марья Ивановна, ещё спала, и в палате было тихо — только капли из капельницы падали в прозрачную трубку, отсчитывая секунды.

Я думала об Ольге.

Вчера врач — Саша — сказал, что она уже дома, что с ней всё в порядке. Но я не знала, где именно она. В своей квартире? У родителей? И когда она приедет? Мне так нужно было её увидеть, поговорить с ней, убедиться, что она действительно в порядке, что те слова, которые сказал врач, — правда.

Я смотрела на пустую тумбочку рядом с кроватью и чувствовала, как тревога снова начинает сжимать грудь. Без телефона, без связи с миром я чувствовала себя отрезанной от всего. Я не знала, где мои подруги, улетели они или нет, знают ли они о том, что случилось. Я не знала, что говорят в новостях, какая погода за окном, какой сегодня день — я знала только то, что двадцать пятое декабря, день, когда мы должны были лететь на море.

Завтрак принесли через полчаса. Поднос поставили на тумбочку, и я с удивлением обнаружила, что есть хочется. Тарелка с жидкой рисовой кашей, кусочек хлеба, чай в пластиковом стаканчике. Не деликатес, но после того, как я не ела почти сутки, казалось, что это самый вкусный завтрак в моей жизни.

Я ела медленно, маленькими ложками, боясь, что желудок взбунтуется. Но всё обошлось. Каша согрела, чай успокоил, и на несколько минут я почувствовала себя почти нормальной.

— О, смотрю, аппетит проснулся, — Марья Ивановна проснулась и теперь смотрела на меня с одобрительной улыбкой. — Это хорошо. Значит, поправляешься.

— Каша вкусная, — сказала я, хотя мы обе знали, что больничная каша — это не то, что можно назвать вкусной.

— Конечно, вкусная, — Марья Ивановна подмигнула. — Когда голодная, даже хлеб с водой раем покажется.

Я улыбнулась и допила чай.

После завтрака пришла медсестра, чтобы перевернуть меня на бок — якобы для того, чтобы не было пролежней, хотя я лежала всего ничего. Потом пришёл кто-то из санитаров,

проверил, всё ли в порядке. Потом снова медсестра — измерила давление, температуру, спросила, не болит ли голова.

— К вам подруга должна прийти, — сказала она, записывая показатели. — Ольга. Скажешь, что будет после обеда.

Я обрадовалась. После обеда. Значит, через несколько часов я увижу Ольгу. Смогу обнять её, убедиться, что она действительно в порядке, спросить про подруг, про аэропорт, про самолёт.

— А телефон у меня есть? — спросила я. — Мой? Я не помню, что с ним стало.

— Не знаю, — медсестра покачала головой. — Вас без вещей привезли. Может, у Ольги спросите, когда придёт.

Я кивнула и снова осталась одна.

Время тянулось медленно. Я смотрела на полоску света, которая медленно ползла по стене от окна, и пыталась угадать, сколько времени прошло. Час? Два? Казалось, что прошла целая вечность, но солнце всё так же стояло на одном месте, и тени не двигались.

Я закрыла глаза и попыталась не думать о том, что происходит там, за стенами больницы. О подругах, которые, наверное, уже летят над океаном. О том, как они смотрели в иллюминаторы на бескрайнюю синеву, пили шампанское, смеялись, загадывали желания.

Я надеялась, что они успели. Надеялась, что они не стали ждать нас с Ольгой, не стали менять билеты. Надеялась, что их Новый год будет таким, каким мы задумывали.

Я надеялась, что они счастливы.

— Кристина?

Голос раздался от двери, и я открыла глаза.

На пороге стояла Ольга.

Она была бледнее обычного, под глазами залегли тени, и она выглядела уставшей, но целой. Ни гипса, ни повязок, только небольшая ссадина на скуле, прикрытая пластырем. Она сжимала в руках пакет — большой, шуршащий, из которого торчал уголок чего-то красного.

— Оля, — я вдруг почувствовала, как к горлу подступают слёзы. — Ты живая.

— Живая, — она подошла к моей койке, поставила пакет на тумбочку и села на стул, который стоял рядом. — А ты как?

— Живая, — повторила я, и мы обе рассмеялись — нервно, сквозь слёзы, но это был смех облегчения.

Ольга взяла меня за руку, и я почувствовала, как её пальцы дрожат.

— Я так испугалась, — сказала она тихо. — Когда ты не приходила в себя... Я думала...

— Всё хорошо, — я сжала её руку. — Я здесь. Со мной всё в порядке.

Мы помолчали. В палате было тихо — Марья Ивановна, видимо, ушла на процедуры, и мы остались одни.

— Что случилось? — спросила я наконец. — На дороге? Я ничего не помню.

Ольга покачала головой.

— Водитель на встрече. Заснул, наверное, или пьяный был. Выехал на нашу полосу, и я не успела... — она замолчала, и я увидела, как её глаза наполняются слезами. — Если бы я чуть быстрее среагировала, если бы...

— Не надо, — перебила я. — Ты не виновата. Никто не виноват. Просто... случилось.

Ольга кивнула, вытирая слёзы тыльной стороной ладони.

— Твои родители знают? — спросила я.

— Я им позвонила, — она вздохнула. — Они... они хотят, чтобы я приехала. К ним. За город.

— Зачем?

— Они боятся, что я одна останусь. Что мне нужен уход, внимание. — Ольга говорила так, словно оправдывалась. — Я пыталась объяснить, что со мной всё в порядке, что это просто ушибы, но ты же знаешь мою маму...

Я знала. Мама Ольги была из тех женщин, которые видят опасность в каждом углу и готовы укутать своего ребёнка в три слоя ваты, даже если этому ребёнку уже под тридцать.

— Ты поедешь? — спросила я.

— Придётся, — она отвела взгляд. — Они уже едут за мной. Сказали, что через час будут.

— Через час? — я почувствовала, как внутри всё сжимается. — Но ты же только пришла...

— Я знаю, — Ольга посмотрела на меня, и в её глазах была вина. — Прости, Крис. Я не хочу тебя оставлять, но они... они не оставляют мне выбора.

— Понимаю, — сказала я, хотя на самом деле не понимала. Или понимала, но не хотела принимать. — Конечно, поезжай. Тебе нужен отдых. А я здесь... я в порядке.

— Ты не в порядке, — Ольга сжала мою руку. — У тебя сотрясение, ты одна, без телефона, без вещей. Я не могу тебя просто так бросить.

— Ты не бросаешь, — я попыталась улыбнуться. — Ты едешь к родителям. Это другое.

— Я приеду, как только смогу, — пообещала она. — Через пару дней. Или ты меня заберёшь, если выпишут.

— Конечно, — кивнула я. — Всё будет хорошо.

Ольга достала из пакета мои вещи. Телефон — с разбитым экраном, но, кажется, работающий. Зарядку. Небольшую косметичку. И маленького плюшевого мишку, который всегда лежал у меня в машине на заднем сиденье.

— Это твоё, — она положила мишку мне на тумбочку. — Полицейские привезли. Вещи из машины забрали, сказали, что можно забрать, когда выпишутся.

— Спасибо, — я взяла телефон в руки. Экран был разбит, но на дисплее загорелась иконка зарядки. — Надеюсь, работает.

— Должен, — Ольга встала. — Мне уже пора. Мама звонила, сказала, что они на полпути.

Я кивнула, чувствуя, как к горлу снова подступают слёзы. Не хотелось, чтобы она уходила. Не хотелось оставаться одной. Но я понимала, что не могу её удержать.

— Позвони мне, — сказала я. — Как доедешь.

— Обязательно, — Ольга наклонилась и поцеловала меня в щёку. — Держись там. Я скоро вернусь.

Она вышла, и я осталась одна.

Телефон включился с третьей попытки.

Экран был разбит вдребезги — трещины расходились из левого верхнего угла, как паутина, и в некоторых местах стекло осыпалось, обнажая светящуюся матрицу. Но, к удивлению, сенсор работал, хотя и с задержками.

Я посмотрела на уровень заряда — сорок три процента. Маловато, но на несколько звонков хватит.

Первое, что я сделала, — открыла сообщения.

Десятки непрочитанных. Маша: «Крис, вы где?» Женя: «Трубку возьми!» Лера: «Твою мать, мы волнуемся!» Даша: «Ольга сказала, вы в аварию попали. Крис, ответь!»

Сообщения были отправлены вчера вечером, с интервалом в несколько минут. Я читала их и чувствовала, как слёзы текут по щекам. Они волновались. Они ждали. Они не знали, что с нами.

Я открыла клавиатуру, чтобы ответить, но пальцы замерли над экраном. Что писать? Что мы живы? Что мы в больнице? Что они летят без нас?

Я не знала, что писать.

И тут телефон зазвонил.

На экране высветилось имя: Даша.

Я нажала кнопку ответа, и в трубке раздался голос подруги — сдавленный, полный слёз.

— Крис? Крис, это ты?

— Даша, — я вдруг почувствовала, как голос дрожит. — Я здесь.

— Слава богу, — Даша всхлипнула. — Мы так волновались. Ты как? Где ты? Ольга сказала, что вы в аварию попали, но она ничего не объяснила, сказала только, что ты в больнице, и всё, а я не могла до тебя дозвониться, и я не знала...

— Даш, Дарья, — перебила я, чувствуя, как в груди разливается тепло от того, что она так переживает. — Всё хорошо. Я в больнице, сотрясение, но всё будет нормально. А ты? Как ты?

В трубке повисла пауза. Я слышала только дыхание Даши — прерывистое, сдавленное, словно она пыталась взять себя в руки и не могла.

— Меня не пустили, — сказала она наконец, и в её голосе было столько боли, что у меня защемило сердце. — Крис, меня не пустили на рейс.

— Я знаю, — сказала я тихо. — Ольга мне рассказала.

— Обокрали, — Даша всхлипнула. — Прямо в аэропорту. Я не заметила, когда, но сумку разрезали, и там бумажник, и паспорт, и всё... И меня не пустили. Сказали, что без документов нельзя. А я так хотела... Я так ждала этот отпуск...

— Я знаю, — повторила я, чувствуя, как её боль отзывается во мне. — Мне очень жаль.

— А они улетели, — Даша говорила сквозь слёзы. — Маша, Женя, Лера — они улетели. А я осталась. Как и ты. Как и Ольга. Как и Инга. Все, кто должен был лететь, не полетели, а те, кто не должен был... — она замолчала.

— Даш, — я не знала, что сказать. — Всё будет хорошо. Они отдохнут, вернутся, и мы всё наверстаем.

— А если нет? — голос Даши дрогнул. — Крис, у меня такое чувство... Такое странное чувство... Будто что-то случится. Будто мы не должны были лететь. Будто кто-то... не пустил.

— Не говори так, — я почувствовала, как по спине пробежал холодок. — Всё будет хорошо. Самолёты летают каждый день. С ними всё будет в порядке.

— Ты правда так думаешь? — в голосе Даши была надежда — такая хрупкая, такая отчаянная, что мне захотелось её обнять, успокоить, сказать, что всё будет.

— Правда, — сказала я твёрдо. — Они вернутся. С загаром, с кучей фотографий, с рассказами о том, как здорово отдохнули. И мы будем сидеть в кафе, пить кофе и слушать их, и завидовать, и строить планы на следующий отпуск.

Даша тихо засмеялась — сквозь слёзы, но это был смех.

— Ты всегда умеешь успокоить, Крис.

— Это мой талант, — сказала я, хотя на самом деле внутри у меня всё сжималось от нехорошего предчувствия.

Мы поговорили ещё несколько минут. Даша рассказала, что сейчас дома, что родители приехали поддержать, что она пытается восстановить документы, но в праздники это почти невозможно. Я слушала, кивала, хотя она меня не видела, и чувствовала, как внутри меня борются два чувства.

Одно было утешением. Я радовалась, что Даша не полетела. Что она здесь, в безопасности, что я могу с ней поговорить, что мы поддерживаем друг друга.

Другое было чувством вины.

Я не хотела, чтобы Даша летела. Не хотела, чтобы она была на том самолёте. И это чувство было таким сильным, таким иррациональным, что я не могла его объяснить. Я просто знала: хорошо, что она осталась.

И это знание пугало.

После разговора с Дашей я попыталась дозвониться до Маши.

Гудки шли, но никто не отвечал. Я набрала снова — та же история. Потом набрала Жене. Потом Лере.

Никто не отвечал.

Я написала в общий чат: «Девочки, вы как? Долетели? Я в больнице, всё нормально. Напишите, как будет возможность».

Сообщение ушло. Серая галочка означала, что оно доставлено. Но прошло пять минут, десять, двадцать, а ответа не было.

Я проверила статус. Серые галочки. Не прочитано.

— Может, у них роуминг не подключён, — прошептала я себе. — Или самолёт ещё не сел. Или они спят. Время же там уже ночь.

Но внутри меня росла тревога. Та самая тревога, которая проснулась ещё вчера, когда я очнулась в скорой. Она была глухой, тягучей, она сжимала грудь и не давала дышать полной грудью.

Я снова набрала Машу.

Гудки. Длинные, однообразные. И потом — механический голос, который говорил, что абонент недоступен.

Я набрала Жене.

То же самое.

Лере.

То же самое.

Я отбросила телефон на кровать и закрыла глаза. Сердце колотилось где-то в горле, и я чувствовала, как к нему подступает паника.

«Успокойся, — сказала я себе. — Всё нормально. Они просто не слышат звонка. Или спят. Или у них нет связи. Ты же знаешь, какая бывает связь в самолётах».

Но я не верила себе.

Я лежала, слушая, как капает капельница, и смотрела на телефон, который молчал.

Он молчал час. Два. Три.

Я снова взяла его в руки, проверила сообщения. Серые галочки. Не прочитано.

Я написала Инге: «Ты не знаешь, они долетели?»

Инга ответила через минуту: «Не знаю. Тоже не могу дозвониться. Наверное, у них ночь, спят. Не переживай».

Я не переживала. Я боялась.

Вечер опустился на больницу незаметно.

Сначала я заметила, что свет за окном стал другим — золотистым, мягким, а тени вытянулись и легли на пол длинными полосами. Потом стены палаты начали темнеть, и кто-то включил свет в коридоре — яркий, неоновый, который пробивался под дверь и рисовал на полу светлую полосу.

Марья Ивановна вернулась после процедур и сразу легла спать. Я слышала её ровное дыхание и завидовала — сама я не могла уснуть.

Я подошла к окну.

Это был первый раз, когда я встала сама. Медленно, держась за спинку кровати, я опустила ноги на пол. Голова закружилась, и я замерла, дыша глубоко и ровно. Через минуту головокружение отступило, и я сделала первый шаг.

Пол был холодным. Я забыла, что у меня нет тапочек, и ступала босиком по линолеуму, чувствуя, как холод поднимается от ступней вверх, заставляя дрожать.

До окна было пять шагов. Я сделала их медленно, держась за спинку кровати, потом за подоконник. И наконец оказалась у окна.

Город открылся передо мной как на ладони.

Больница стояла на возвышении, и из окна моей палаты был виден весь центр — огни, которые зажигались один за другим, превращая серый декабрьский город в сверкающую россыпь. Дома, улицы, мосты — всё это сияло, переливалось, жило своей жизнью, которая шла где-то там, за стеклом, за белыми стенами, за всем этим больничным миром.

Я смотрела на огни и чувствовала, как одиночество сжимает сердце.

Где-то там, в этом городе, были мои родители. Они не знали, что я в больнице. Я не позвонила им — не хотела волновать под Новый год. Они должны были приехать к нам на праздники, должны были накрыть стол, должны были встретить новый год в кругу семьи.

Теперь этого не будет.

Где-то там была Ольга. Она ехала к родителям за город, и в эту минуту, наверное, уже сидела на кухне, пила чай с малиновым вареньем и рассказывала об аварии.

Где-то там была Даша. Она плакала в своей комнате, перебирая документы, которые нужно восстановить, и пыталась понять, почему всё пошло не так.

Где-то там была Инга. Она работала, ненавидела своего босса, мечтала о море и не знала, что там, в небе над океаном, летят её подруги.

А они летели.

Они летели над океаном, в темноте, в тишине, и не знали, что мы остались. Не знали, что мы волнуемся. Не знали, что мы ждём.

Я смотрела на огни города, и мне казалось, что я смотрю на другую планету. Планету, где люди живут обычной жизнью — ходят на работу, встречаются с друзьями, готовятся к Новому году. Планету, где нет больничных палат, капельниц и разбитых телефонов.

Планету, от которой я была отрезана.

Я прислонилась лбом к холодному стеклу и закрыла глаза.

— Пожалуйста, — прошептала я в темноту. — Пусть с ними всё будет хорошо.

Я не знала, к кому обращаюсь. К богу, к судьбе, к вселенной — к кому-то, кто мог меня услышать. Я просто шептала эти слова, снова и снова, как молитву, как заклинание, как единственное, что я могла сделать.

— Пусть они долетят. Пусть они будут в безопасности. Пусть они вернуться.

Я открыла глаза и снова посмотрела на огни. Они горели ровно, спокойно, не обещая ничего, не отвечая на мои молитвы.

Они просто горели.

Я стояла у окна, пока не замёрзла окончательно. Потом вернулась на кровать, натянула одеяло до подбородка и устала в потолок.

Телефон молчал.

Серые галочки так и не стали синими.

Я закрыла глаза и попыталась представить, что сейчас делают подруги. Маша, наверное, уже спит, укутавшись в одеяло. Женя смотрит в иллюминатор на звёзды. Лера пьёт вино и болтает с соседом по креслу.

Они не знают, что мы волнуемся. Они думают, что мы тоже летим, что мы встретимся в аэропорту, обнимемся, будем смеяться и рассказывать, как прошёл наш день.

Они не знают.

И, может быть, это к лучшему.

Я уснула под утро, когда за окном начало светать. И мне приснился сон — странный, обрывочный, в котором я стояла на берегу океана и смотрела в небо. Небо было пустым. Только облака, белые, пушистые, плыли куда-то вдаль, и я смотрела на них, и ждала.

Но никто не прилетал.

Глава 4

Сон не шёл.

Я лежала с закрытыми глазами, слушая, как тишина наполняет палату. Она была плотной, почти осязаемой — эта тишина, — и в ней тонули все звуки: редкое дыхание Марьи Ивановны, мерное тиканье часов где-то в коридоре, далёкий гул лифта, который работал всю ночь. Тишина давила, обволакивала, заставляла вслушиваться в себя, и чем дольше я лежала, тем больше звуков начинала различать: скрип половиц, когда кто-то проходил по коридору, приглушённый кашель из соседней палаты, шум воды в трубах.

Я перевернулась на бок, потом на другой. Подушка казалась то слишком высокой, то слишком низкой. Одеяло — то жарким, то холодным. Простыня сбивалась под боком, и я то и дело поправляла её, но через минуту она снова собиралась в неудобный комок.

Голова болела. Не сильно — так, ныла, напоминая о себе тупой пульсацией в затылке. Но эта боль не давала расслабиться, не давала забыться, не давала провалиться в ту спасительную темноту, где нет ни мыслей, ни тревог, ни ожидания.

Ожидание. Самое страшное.

Я снова взяла телефон. Экран вспыхнул, ослепив на секунду, и я прищурилась, привыкая к свету. Сообщения. Серые галочки. Не прочитано.

Я проверила время. Половина второго ночи.

За окном было темно. Огни города, которые я видела вечером, постепенно гасли — одно за другим окна становились чёрными, и только редкие жёлтые квадраты ещё светились в темноте, как маяки в ночном море. Кто-то работал, кто-то не мог уснуть, кто-то праздновал, хотя до Нового года оставалась ещё почти неделя.

Я представила, как сейчас там, в той жизни, которая осталась за стенами больницы. Люди возвращаются с работы, смотрят телевизор, пьют чай, спорят о том, что подарить тёще, и гадают, выпадет ли снег на Новый год. Обычная жизнь. Простая, понятная, предсказуемая.

А я здесь. В этой кровати. В этой тишине. С этими мыслями, которые ходят по кругу, как заводные игрушки, и не могут остановиться.

«Они долетели. Конечно, долетели. Самолёты не пропадают просто так. Они уже там, на месте, спят в своих номерах, и завтра утром пойдут завтракать, и увидят море, и будут счастливы».

Я повторяла это себе снова и снова, как мантру, но слова не работали. Где-то глубоко внутри, на самом дне сознания, жил холодный червячок сомнения, и он шевелился, поднимал голову, напоминал о себе каждый раз, когда я думала, что убедила себя.

Я села на кровати.

Голова закружилась, и я замерла, дыша глубоко и ровно. Прошло несколько секунд, и мир перестал вращаться. Я посидела так, свесив ноги, чувствуя, как пол холодит ступни. Тапочки — больничные, казённые, слишком большие и неудобные — стояли рядом, и я надела их, путаясь в ремешках.

Я не знала, зачем встаю. Зачем выхожу из палаты. Но мне нужно было двигаться. Нужно было идти. Нужно было делать хоть что-то, чтобы прогнать эту тишину, которая давила на плечи тяжёлым грузом.

Я оглянулась на Марью Ивановну. Она спала, повернувшись лицом к стене, и её дыхание было ровным, спокойным. Я не хотела её будить. Я не хотела, чтобы кто-то видел меня сейчас — растерянную, потерянную, бредущую по больничному коридору в казённой пижаме и огромных тапочках.

Но мне нужно было идти.

Я выскользнула в коридор.

Коридор был пуст.

Длинный, белый, с люминесцентными лампами под потолком, которые горели ровным, неживым светом. Пол блестел, начищенный до зеркального блеска, и мои тапочки издавали шаркающий звук, который разносился по коридору, отражаясь от стен.

Я шла медленно, держась за стену. Голова кружилась, но я уже привыкла к этому ощущению — к лёгкой качке, к тому, что мир иногда плывёт перед глазами, к тому, что нужно делать паузу и ждать, пока всё встанет на место.

Двери палат были закрыты. За ними спали люди — больные, уставшие, измученные своей болью. Я слышала иногда чей-то кашель, иногда — всхлипы, иногда — просто тишину. Тишину, которая была громче любых звуков.

Я дошла до конца коридора и остановилась. Здесь было окно — большое, панорамное, выходящее на ту же сторону, что и моя палата. Город спал. Только редкие огни ещё мерцали в темноте, и где-то далеко, на окраине, светилась яркая полоса — наверное, шоссе, по которому даже ночью ехали машины.

Я смотрела на эти огни и думала о подругах. О том, что они сейчас в небе. Что самолёт несёт их над океаном, в темноте, в тишине, и они спят, или смотрят фильмы, или пьют чай, или думают о том, как завтра проснутся и увидят море.

Я надеялась, что они не волнуются. Надеялась, что они не знают о нас с Ольгой, или знают, но не переживают, потому что мы в порядке, потому что всё будет хорошо. Я надеялась, что их отпуск будет идеальным — таким, каким мы его задумывали.

— Кристина?

Голос раздался за спиной, и я вздрогнула. Обернулась.

В конце коридора стоял он.

Саша.

Я узнала его сразу — по росту, по силуэту, по тому, как он стоял, чуть склонив голову набок, будто прислушиваясь к чему-то. На нём был белый халат, накинутый поверх свитера, и в руках он держал карту — мою или чью-то другую, я не разглядела.

— Вы чего не спите? — он пошёл ко мне, и его шаги были мягкими, почти бесшумными, в отличие от моего шарканья.

— Не спится, — ответила я, чувствуя себя школьницей, которую поймали на месте преступления. — Голова болит.

Он подошёл ближе, и я увидела его лицо — спокойное, сосредоточенное, с лёгкой тенью усталости под глазами. Он, кажется, тоже не спал.

— Болит — это понятно, — он остановился рядом, и я почувствовала знакомый запах — свежий, мятный, с лёгкой ноткой кофе. — Но ходить по коридорам ночью — не лучшее лекарство. Вам нужен покой.

— Я знаю, — я отвела взгляд, чувствуя, как щёки начинают гореть. — Просто... я не могла лежать. В голове много мыслей.

Он помолчал, глядя на меня, и я чувствовала его взгляд — спокойный, внимательный, без тени осуждения.

— Понимаю, — сказал он наконец. — Но лучше бы вы позвали медсестру. Она дала бы вам успокоительное, и вы бы уснули.

— Я не хочу успокоительное, — ответила я, и в моём голосе прозвучало больше резкости, чем я хотела. — Я хочу... — я замолчала, не зная, как закончить фразу.

— Что? — спросил он тихо.

Я посмотрела на него. В тусклом свете коридора его глаза казались темнее, чем днём — почти чёрными, с глубокими тенями. Но в них было что-то, что заставило меня говорить дальше.

— Я хочу знать, что с ними всё в порядке, — сказала я. — Мои подруги. Они улетели. Вчера. Тем рейсом, на который я должна была лететь. И я не могу до них дозвониться. Никто не отвечает. Сообщения не доходят. И я не знаю...

Голос дрогнул, и я замолчала, боясь, что сейчас расплачусь. Я не хотела плакать перед ним. Не хотела выглядеть слабой, жалкой, беспомощной.

Но он, кажется, понял.

— Пойдёмте, — сказал он, и его голос был мягче, чем я ожидала. — Провожу вас в палату. По пути расскажете.

Он повернулся и пошёл обратно по коридору. Я смотрела на его спину — широкие плечи, уверенная походка, — и чувствовала, как внутри меня что-то расслабляется. Не отпускает, нет, но расслабляется. Как будто рядом с ним тревога становится чуть меньше, чуть тише, чуть дальше.

Я пошла за ним.

Мы шли медленно — я шаркала тапочками, он шёл рядом, чуть впереди, и иногда оглядывался, проверяя, не отстала ли я. Свет в коридоре был тусклым, только ночные лампы горели через одну, и наши тени падали на пол длинными, расплывчатыми силуэтами.

— Вы всегда работаете по ночам? — спросила я, чтобы нарушить тишину.

— Не всегда, — ответил он, не оборачиваясь. — Сегодня моя смена. Дежурство.

— А разве врачи дежурят в обычные дни? Я думала, только в праздники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.